

Сюэ Бэйван судорожно вдохнул, заворожённо глядя на девицу и не в силах отвести глаз. Хороша — до безумия хороша! За всю свою жизнь он не встречал никого прекраснее. Каждое её движение, каждая мимолётная улыбка отзывались в его сердце трепетом...

— Господин, тогда я отвернусь, а вы скорее переодевайтесь, — раздался нежный голос.

Договорив, Цзюэюй повернулась спиной к Сюэ Бэйвану. Ворот платья слегка соскользнул, обнажая изящные плечи. Если бы не уродливые тёмные пятна от ушибов, эта хрупкая спина казалась бы верхом совершенства.

Сюэ Бэйван шумно сглотнул и поспешно уставился в пол, изо всех сил стараясь не глядеть на постель. В мыслях невольно всплыли воспоминания о том, как совсем недавно он помогал мыть и обтирать это изящное тело. Лицо юноши вспыхнуло пунцовым румянцем, и он напрочь позабыл, что должен делать.

Вскоре тишину нарушил насмешливый шёпот:

— Что же вы замерли, господин? Тот, кто только что столь усердно согревал меня своим телом, неужто теперь робеет, когда я стою спиной?

— Вовсе нет... — пробормотал Сюэ Бэйван, прижимая ладонь к горячей щеке. Пытаясь оправдаться, он поспешно выпалил: — С чего бы мне робеть? Да я... я этих спин на своём веку навидался!

— Вот как? — слышался лукавый смешок. — Стало быть, господин — частый гость в увеселительных кварталах?

Лицо Сюэ Бэйвана вытянулось. Перепугавшись, что его сочтут распутником, он вскинул голову и отчаянно затараторил:

— Да нет же! Я ни по каким притонам не шатаюсь! Я блюду себя!

Слушая эти несвязные оправдания, Чэнцзюэ с трудом сдерживал душивший его хохот. Но парень на этом не остановился и вдруг выпалил:

— Честное слово, не вру! Если не веришь — можешь сама проверить!

Опомнившись, Сюэ Бэйван с силой вlepил себе звонкую пощёчину.

— Тьфу, язык мой — враг мой! Опять чепуху сморозил. Клянусь, у меня и в мыслях не было тебя оскорбить!

Сдерживать смех более не хватало сил. Чэнцзюэ медленно приподнялся на постели, невольно обнажая перед гостем плавный изгиб спины. С влажных тёмных прядей на плечи стекали капли воды. Искоса взглянув на Сюэ Бэйвана, который буквально вжался лопатками в закрытую дверь, он зашёлся в беззвучном хохоте, который тут же перерос в надсадный, мучительный кашель.

Испуганный воин мигом забыл о смущении. В два широких шага он оказался у постели, опустился рядом и принялся бережно гладить князя по спине, помогая восстановить дыхание.

— Кхе... кхе... — прерывисто вздохнул Чэнцзюэ. — Гляжу, смущение как рукой сняло?

Его рука на спине мгновенно замерла. Заметив это краем глаза, князь мысленно улыбнулся: на лице Сюэ Бэйвана отразилась такая сложная гамма чувств, какой он не видел, пожалуй, у всех своих придворных вместе взятых. Юноша замер соляным столбом, нелепо хлопая глазами и тщетно пытаясь выдать хоть слово.

Он поднял руку и коснулся шеи воина, легко скользнув по кадыку. Сюэ Бэйван мгновенно затаил дыхание, превратившись в безжизненную деревянную куклу.

— Неужто господин Сюэ желает, чтобы я сама помогла ему сменить одежду? Оттого и медлит?
— раздался вкрадчивый шёпот.

В наступившей тишине Чэнцзюэ отчётливо слышал частый, безумный стук его сердца.

Видя, что парень окончательно лишился воли, князь обвил его шею тонкими белыми руками, плавно притягивая к себе. Он приподнял лицо, и его губы почти коснулись губ Сюэ Бэйвана. Воздух вокруг наполнился сладким, дурманящим ароматом благовоний.

В этот самый миг дверь с треском распахнулась.

— Ой, бес попутал! Не мешаю! — раздался испуганный вопль, и створка с грохотом захлопнулась обратно. По голосу это был Сяо Муцзы.

Уши и шея Сюэ Бэйвана мгновенно залились пунцовой краской.

— Дева... Дева Цзюэюй... я...

— Всё ещё зовёшь девай? — тихо прошептал князь, перехватив его ладонь и прижав к своей груди, лишённой женских округлостей.

— Молодой... молодой господин Цзюэюй, — заикаясь, исправился юноша.

Он сжал руки на его шее, притягивая ещё ближе, так что их губы едва не соприкоснулись. В полумраке прозвучал низкий, бархатистый полушёпот:

— М-м?

— Мужчинам негоже столь близко!.. — Сюэ Бэйван испуганно дёрнулся, вырываясь из объятий, точно пойманный зверь, и рывком натянул одеяло до самого подбородка Чэнцзюэ. — На дворе холодно! Лежи смирно, а я... я пойду разузнаю, что там с имбирным отваром!

Здоровенный, широкоплечий воин в насквозь промокшем исподнем вылетел в коридор, заставив взвизгнуть от неожиданности проходивших мимо служанок.

Поняв, в каком виде предстал перед честным человеком, парень с пунцовым лицом ворвался обратно, поспешно запер дверь и, повернувшись к постели спиной, принялся лихорадочно стягивать мокрую одежду.

В этот момент он всеми силами старался очистить разум, внушая себе, что в комнате абсолютно один. Сменив наконец одежду и обувь на сухие, он поспешил ретироваться с максимально невозмутимым видом.

Бай Чэнцзюэ уткнулся лицом в подушку, содрогаясь от беззвучного смеха. Даже его юный племянник-император, пытавшийся скрыть свои проказы перед строгим дядей, не доставлял ему столько искреннего веселья, сколько этот неловкий, простодушный воин.

Спустя некоторое время Сюэ Бэйван вернулся с дымящейся пиалой имбирного отвара и, настойчиво потребовав, чтобы гость переоделся в сухое платье, поспешно отвёл взгляд. Юноша боялся лишний раз посмотреть в сторону кровати, словно один случайный взор мог снова лишить его остатков самообладания.

А посмотреть было на что. Без ярких румян и пудры, обнажавших истинную мужскую суть князя под личиной куртизанки, бледное лицо Бай Чэнцзюэ приковывало взор гораздо сильнее прежнего. Его чистая, безупречная кожа казалась прозрачной, длинные тёмные ресницы бросали тень на щёки, а в глубине тёмных глаз затаился живой блеск. В простом белом исподнем он походил скорее на сошедшего со старинного свитка бессмертного небожителя, нежели на смертного человека.

Когда сгустились сумерки, Сюэ Бэйван так и не решился остаться в его покоях. Если прошлой ночью темнота хоть как-то сглаживала неловкость, то дневные заигрывания окончательно лишили его спокойствия. Каждая минута, проведённая наедине с прекрасным юношей, казалась ему пыткой. В итоге он снял себе скромную каморку этажом выше.

С наступлением глубокой ночи пламя свечи погасло. В полумраке комнаты у стола сидел Бай Чэнцзюэ, облачённый в белоснежные одежды.

Створка окна бесшумно приоткрылась, и внутрь скользнул силуэт. Мужчина, чьё телосложение и рост разительно походили на очертания самого князя, замер перед господином в глубоком поклоне.

— Владыка, Его Величество и Верховная принцесса провели о покушении. Они крайне встревожены, — негромко доложил вошедший.

Взгляд Чэнцзюэ мгновенно заledenел.

— Моим людям пора устроить чистку. Нечего разносить слухи и тревожить малолетнего императора по пустякам. К тому же моё здоровье в последнее время оставляет желать лучшего — лекарь запретил злоупотреблять пилюлями для смены облика.

— Слушаюсь, я лично займусь этим, — отозвался Е Гуй. — И всё же, господин, вам стоит выкроить время для свидания с Верховной принцессой. Опасаюсь, что во время вашего отсутствия Её Высочество пожалует в поместье с расспросами. Она ведь ваша единоутробная сестра. Пусть я и прячу лицо под железной маской, обмануть её чуткое сердце будет непросто — узы крови не утаить.

Чэнцзюэ согласно прикрыл глаза.

— Понимаю. Но для этого нужно выбрать подходящий момент. Мне необходимо ещё крепче привязать к себе этого дурня.

Последние события заставили князя осознать очевидную истину: одной лишь призрачной красотой мужское сердце долго не удержишь. Сюэ Бэйван должен быть предан ему душой и телом.

Ведь только через него можно добраться до тайной переписки принцев царства Чэнь с мятежниками. Стоит предъявить суду обвинение в государственной измене и тайном сговоре с иноземцами — и кукловод уже не отвертится.

Жаль лишь простодушного воина. Когда наружу выплывут неопровержимые улики о заговоре против престола, Сюэ Бэйвану вместе со всеми его покровителями и бунтовщиками царства У суждено будет кануть на самое дно зловонной трясины, откуда им уже никогда не выбраться.

— Есть ли новости от Сянлянь? — спросил Чэнцзюэ.

— В императорских покоях пока всё спокойно. Правитель ещё слишком юн, и пускай он порой заглядывает в спальни своих наложниц, ночей они не разделяют.

— Государь молод, о наследниках думать рано, — задумчиво произнёс князь Минь. — К тому же его гарем кишит чужими лазутчиками. За эти годы мы убрали многих, но избавиться от девиц из знатных кланов, вроде драгоценной наложницы Шу, добродетельной наложницы Сянь или талантливой жены Вэй, — задача не из лёгких. Терем Сотни Ароматов до сих пор не сумел собрать на них стоящего компромата. Пусть Сянлянь пристально следит за каждым их шагом. Стоит им оступиться — мы незамедлительно нанесём удар.

Он сделал небольшую паузу и добавил:

— И пусть бережёт себя. Племянник ни в коем случае не должен узнать, чью волю она исполняет. Когда мальчик возмужает и обретёт силу, тень подозрений не должна пасть ни на род Первого министра Су, ни на меня. Иначе он возненавидит своего императорского дядю.

— Будет исполнено, — Е Гуй низко склонил голову.

Бай Чэнцзюэ лёгким взмахом руки велел ему удалиться.

Створка окна бесшумно затворилась, и в комнате вновь воцарилась глухая тишина, словно никто и не нарушал её покоя.

Е Гуй был его вернейшим соратником, его тенью. С восьми лет он следовал за князем шаг в шаг, оберегая его тайны. Именно Е Гуй, надевая тяжёлую Железную маску, искусно изображал господина в стенах поместья князя Миня, отводя глаза многочисленным соглядатаям.

Без такого преданного помощника сохранить тайну двойной жизни было бы невозможно. Год за годом, незаметно для всего света, Чэнцзюэ использовал Терем Сотни Ароматов как паутину. Пьяные откровения захмелевших вельмож, грязные секреты, сорвавшиеся с уст в порыве страсти, — всё шло в дело. Кого-то приходилось убирать со сцены навечно, кого-то — запугивать, иных — переманивать на свою сторону. Своей незримой рукой он выстроил для юного императора Бай Яньцю прочную опору в Совете министров.

И всё же оставались те, чьи помыслы до сих пор были скрыты во мраке...